

Затем Янь Сюй достал несколько фотографий. Эти снимки были быстро напечатаны, качество оставляло желать лучшего, цветопередача также была далека от идеальной. Тем не менее, Цзин Цичэнь смог разглядеть на них тот самый момент, который Янь Сюй запечатлел.

— Отлично, — двумя словами оценил Цзин Цичэнь.

— Я даже не думал, что смогу снять такие фотографии, — сказал Янь Сюй. — Раньше я снимал только животных и растения, считал, что фотографировать людей — это не для меня. Но теперь я изменил свое мнение. Запечатлеть различные моменты жизни через объектив — это тоже интересное занятие.

Это стало его делом, хотя раньше он был ослеплен своими предубеждениями.

— Ты и так уже очень талантлив, — без тени сомнения похвалил Цзин Цичэнь.

Янь Сюй слегка смутился, его щеки порозовели, но он быстро сменил тему:

— Разве у тебя не было дел на сегодня? Если торопишься, можешь идти.

— Уйду только в четыре, сейчас всего два. Ты ведь встал рано утром и ушел тоже рано. Может, поспишь еще немного? — Цзин Цичэнь проявил заботу, сам не понимая, почему он так изменился, когда рядом с Янь Сюем. Его слова и поступки стали совершенно иными, не такими, как обычно.

Даже его голос непроизвольно стал мягче.

Янь Сюй кивнул, он действительно чувствовал себя уставшим, ощущая на себе пот и пыль. Он отправился в ванную, чтобы принять душ, а затем вместе с Дань-Данем вернулся в комнату, чтобы поспать.

Цзин Цичэнь же отправился домой, чтобы подготовить материалы для встречи, которая должна была состояться сегодня днем.

Его подчиненные, оборотни, плохо справились с задачей, и представители людей пришли с жалобами. Сегодня предстояло обсудить, как решить эту проблему.

Его подчиненные были могущественными оборотнями, они презирали людей и своих менее опытных сородичей. Их высокомерие нуждалось в уроке, ведь он не мог вечно оставаться на своем посту, чтобы защищать их, постоянно балансируя между людьми и оборотнями. Это было слишком утомительно.

— Папа, — тихо спросил Дань-Дань, лежа в объятиях Янь Сюя, — ты уже уснул?

Янь Сюй не открывал глаз, лишь промычал в ответ.

Голос Дань-Даня был тихим и мягким, но его слова словно взорвали бомбу рядом с ухом Янь Сюя, разбив его сердце на осколки.

— Папа, тебе нравится дядя Цзин?

Расслабься, — сказал себе Янь Сюй. Уверен, Дань-Дань имеет в виду не то, о чем я подумал.

— Конечно, нравится, — серьезно ответил Янь Сюй, теперь он уже точно не мог уснуть.

— Тогда... папа, ты можешь сделать дяде Цзину предложение?

— ...Что? — Янь Сюй был ошеломлен, ему показалось, что он ослышался.

— Дядя Цзин очень хороший, он готовит для меня вкусную еду, играет со мной, а когда тебя нет, он даже катает меня на спине. Он любит меня, и я тоже люблю его, — с детской искренностью говорил Дань-Дань, его глаза были чистыми, без тени зла, лишь детская наивность.

— Папа любит дядю Цзина, а дядя Цзин любит папу. Так почему бы дяде Цзину не стать моей мамой? — голос Дань-Даня звучал жалобно. — У других детей есть мамы, у брата Цзи тоже была мама. Я... я тоже хочу маму...

Эти слова были настолько трогательными, что, несмотря на детскую наивность, Янь Сюй не мог просто отмахнуться от них. Его скрытые чувства, которые он давно спрятал в глубине души, снова всплыли на поверхность, и все благодаря Дань-Даню.

— Дань-Дань, дядя Цзин любит меня не так, как ты думаешь, — мягко и нежно объяснил Янь Сюй. — Его чувства ко мне такие же, как твои к брату Сяо Дуньэру.

— Дань-Дань, ты любишь брата Сяо Дуньэра? — спросил Янь Сюй.

Дань-Дань кивнул:

— Да, я люблю его.

— А ты хочешь поцеловать его в губы? Хочешь держать его за руку? Чувствуешь ли ты себя плохо, когда его нет рядом? — Янь Сюй постарался не делать сравнение слишком прямолинейным.

Дань-Дань задумался, наклонив голову:

— Нет, у брата Сяо Дуньэра есть свои дела, я должен быть послушным и не мешать ему.

Этот ребенок был слишком уж понимающим. Янь Сюй поцеловал Дань-Даня в лоб, подарив ему нежный поцелуй. Самое большое счастье в его жизни — это, несомненно, Дань-Дань.

— Дядя Цзин относится ко мне так же, как ты к брату Сяо Дуньэру, — объяснял Янь Сюй, стараясь говорить простым языком, понятным ребенку. — Чтобы стать твоей мамой, нужно любить меня, но дядя Цзин и я не любим друг друга, поэтому он не может стать твоей мамой.

Дань-Дань, казалось, понял, но все же был недоволен:

— Папа, откуда ты знаешь, что дядя Цзин тебя не любит? Откуда ты знаешь, что он относится к тебе так же, как я к брату Сяо Дуньэру?

Да, откуда я знаю? — горькая улыбка появилась на лице Янь Сюя.

Потому что господин Цзин и я живем в разных мирах. Хотя мы каждый день находимся под одной крышей, кажется, что мы близки, как семья. Но я совсем не знаю его. Я не знаю, кто его родители, откуда он, чем занимается.

Хотя мы спали в одной постели, вместе гуляли, я не знаю, какие у него увлечения, как он жил раньше.

Любовь — это не просто мгновенное чувство.

— Дань-Дань, спи, это взрослые дела, тебе не стоит беспокоиться, — успокоил его Янь Сюй.

Дань-Дань надул губы, явно недовольный тем, что его успокаивают, как ребенка, но, будучи послушным, закрыл глаза и тихо пробормотал:

— Но я хочу, чтобы дядя Цзин стал моей мамой.

Янь Сюй тоже закрыл глаза, в его сознании промелькнуло лицо Цзин Цичэня, но вскоре все погрузилось в темноту.

До окончания месяца, о котором они договорились с А Юнь, оставалось четыре дня. В последнее время, когда Янь Сюй приходил к ней, она всегда была с человеком по имени Юань Чжэньхэ. Сначала она, казалось, не особо с ним общалась, но сейчас их отношения быстро развивались. В этот раз, когда Янь Сюй пришел к ней, Юань Чжэньхэ отсутствовал, и Янь Сюй не нашел, что снимать, поэтому они просто сели поговорить.

— Я собираюсь уехать с Чжэньхэ, куда угодно. Он говорит, что за эти годы заработал немного денег, и мы планируем открыть небольшой магазин. Буду продавать чай с молоком или одежду, главное, чтобы хватало на жизнь, не стремлюсь к большим деньгам, — на лице А Юнь появился легкий румянец, будто от смущения, а может, от восторга.

Казалось, что та жизнь, о которой она мечтала долгие годы, наконец, преодолев тысячи преград, оказалась перед ней.

Янь Сюй хотел спросить, как насчет ее болезни, но, видя, как она выглядит сейчас, решил не поднимать эту неприятную тему.

Однако А Юнь, кажется, понимала, о чем он думает. Она играла с заколкой в форме бабочки, украшенной пластиковыми стразами. Даже если эта вещь была настолько дешевой, что стоила всего пять центов на улице, А Юнь считала ее бесценным сокровищем.

— Буду лечиться. Хотя моя болезнь неизлечима, симптомы можно облегчить, — улыбнулась А Юнь. — Если Чжэньхэ меня бросит, я уйду сама.

— Кстати, — вдруг вспомнила она, — ты сделал те фотографии?

Янь Сюй кивнул. А Юнь всегда была очень отзывчивой, никогда не мешала ему фотографировать, а иногда даже сама позировала. Она была отличным партнером. Янь Сюй купил у уличного торговца два мороженых и протянул одно А Юнь. Они сидели на улице и ели.

Эта улица казалась другим миром, застрявшим в прошлом десятилетии.

— Посмотри, — Янь Сюй протянул фотографии А Юнь.

Она перебирала их, улыбаясь:

— Ты сделал меня красивой.

Янь Сюй покачал головой:

— Ты и так красивая.

— Мужчины всегда говорят тридцать процентов правды и семьдесят процентов лжи, — засмеялась А Юнь, прикрывая рот рукой.

Янь Сюй не стал спорить:

— Сегодня ты не курила.

А Юнь удивилась, затем широко улыбнулась. В ее улыбке не было и тени грусти, она была наполнена счастьем и светом. Она покачала головой:

— Больше не буду. Я бросила, хочу прожить подольше.

— Это хорошо, — только что произнес Янь Сюй, как увидел, что подходит Юань Чжэньхэ.

<http://bllate.org/book/15574/1386951>